

Мариам Араратовна Саргсян
Mariam Araratowna Sargsyan

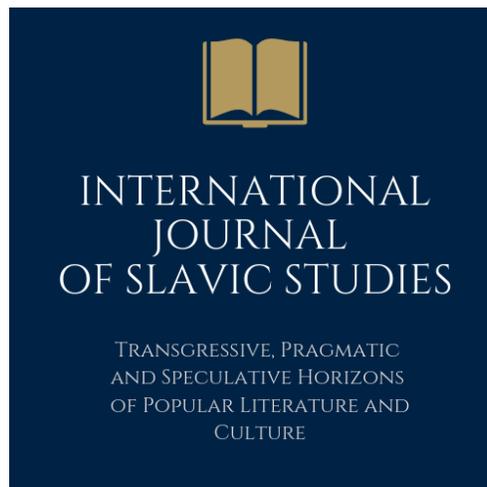
Южный федеральный университет, Россия

Southern Federal University, Russian

m.sargsyan93@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0661-3700>

<https://doi.org/10.34768/7SVP-VM73>

Nr: 2 (2020)

ISSN (on line) 2658-154X

Техногенные метафоры современной культуры

Anthropogenic metaphors of modern culture

Abstract:

What is real for a person as a member of a cultural society is a product of both social reality and the way of organizing his experience of interacting with the material world. Since a significant part of social reality is conceptualized in metaphorical terms, and since our understanding of the material world is partly metaphorical, the metaphor plays a very significant role in establishing what is real for us. Currently, culture is represented by qualitatively new metaphors. Having examined some of them, a picture of the thinking of a modern person and its main directions will open up for us. An analysis of the content of metaphors, in turn, will reveal the analogies and associations on which society and its views are based. This is not just the use of concepts familiar to our time, these are the ideas and areas of close attention of science and culture that dominate in modern society.

Keywords: metaphor, soft culture, digital age, artificial intelligence, iron metaphors, humanization of machines, mechanization of humans.

Ключевые слова: метафора, софт культура, цифровая эпоха, искусственный интеллект, железные метафоры, очеловечивание машин, механизация человека.

Техногенные метафоры

Очевидность процесса массового охвата человечества символизмом и метафоризацией жизни, подчеркивается во всех сферах нашего существования. Это не просто уход от содержания, это волшебный ослепляющий порошок, который рассыпали по небу, чтобы люди перестали быть зоркими, а, может, и вовсе перестали видеть. И если мне удастся использовать метафору как форму, как инструмент, то здесь она становится смыслом и наполнением. Только прикоснувшись, приоткрыв дверь во все учреждения, которые имеют в своем названии элемент „современный”, останется лишь уйти с хаосом символичности.

Айвор Ричардс замечает, что: „Каждый из нас овладевает искусством метафоры так же, как мы обучаемся всему остальному, что делает нас людьми¹”. Данное утверждение было сделано в лингвистическом контексте, однако определение метафоры, как искусства, способно открыть его значимость и в остальных окружающих нас системах. Целесообразно начать с рассмотрения классификации знаков у Чарльза Пирса, чтобы заметить, что „икона”, как некий мысленный образ, уже есть не что иное как метафора². Далее, обратившись к обобщенному определению „текста” Юрия Лотмана, как к любому отдельному сообщению, отличность которого (от не текста или другого текста) интуитивно ощущается с достаточной уверенностью, функциональность метафоры обретает новый объект, которым в столь обширном понимании могут служить коммуникационные системы во всём своём многообразии. К наиболее характерному метафорически образному мышлению подходит культура, начиная с конца 19 века, которая стала двигаться в направлении модернизма, открывшего для автора возможность изменять привычную природу вещей. Тем самым метафора отделилась от начальной синонимичности со сравнением, выделяя и видя в этом методе лишь свою „оболочку”, заявив о своём смыслообразующем элементе - „содержании”. Произошла эволюция самого понятия „метафора”. Образовавшись как некоторая „базисная метафора”, корни которой лежат в мифологическом мышлении, неотделимого от языкового, сейчас метафора - это инструмент отражения

¹Richards A. *Filosofiya ritoriki // Teoriya metafory: Sbornik*, Moscow: Progress, 1990, p. 60.

² Peirce C. *Izbrannye filosofskye proizvedeniya/ per. s angl. K. Golubovich, K. Chuhrukidze, T. Dmitrieva*, Moscow: Logos, 200, p. 200-202.

индивидуальности и фантазии, нежели умышленного и необходимого переноса слов с одного объекта на другой³. Имея дело с метафорой, мы осознаем её двойственность и важнейшую роль в познании. Мы стремимся объять жизнь и видим, что нечто обыденное не способно увидеть всю глубину человеческого существования, ведь простого слова порой недостаточно, чтобы описать ускользающий миг, как и простого копирования предметов в живописи или звукоподражания в музыке. Возможно, многое было построено на аналогии, сравнении, однако сейчас мы прибегаем к метафорам не только для того, чтобы сделать нашу мысль доступной для других людей, но она необходима нам самим для того, чтобы объект стал доступен нашей мысли⁴. Кажется, метафора охватывает все сферы человеческой жизнедеятельности, это не только необходимый инструмент для любой поэзии, которая создана скоплением чувств и неповторим взглядом автора на окружающий мир, но она так же присуща и науке, тогда как научная метафора своим содержанием ничем не отличается от какой-либо другой. В особенности это касается философии, как подмечает Макс Блэк: „Хотя метафоры наиболее опасны именно в философии, однако запретить их использование – значит намеренно ограничить способность нашего разума к поиску и открытию”⁵. Имея всё тот же набор букв алфавита или неизменное количество нот, мы всё же открываем для себя новые смыслы, которые рождаются в результате соединения новым способом элементов внутри систем, тогда наша история видится непрерывным движением к освобождению, которое соединяя ранее не вообразимое, открывает нам новое знание о мире углубляя и расширяя наше сознание, а это в свою очередь способствует неизбежному появлению новых метафоры, которые в дальнейшем и будут характеризовать время. Попытавшись разъяснить значение и основания метафоры, мы уйдем глубоко в лингвистику, не увидев конца, тогда как у нас есть „сегодня”, окутанное метафорами и новыми смыслами. Современная эпоха пытается ответить на всё те же вопросы, и укатавшись в прошлое и исследую лишь его, мы пропустим тот момент, когда нам необходимо будет создать наше неподдельное самим. В данной

³ Cassirer E. Sila metafory // Teoriya metafory: Sbornik / per. s angliyskogo M. A. Dmitrovskoy, Moscow: Progress, 1990, p. 33.

⁴ Ortega y Gasset J. Dve velikiye matafory // Teoriya metafory: Sbornik. Perevod s Ispanskogo N.D. Arutyunovoy Progress, 1990., p. 68.

⁵ Black M. Metafora // Teoriya metafory: Sbornik / per. s angliyskogo M. A. Dmitrovskoy, Moscow: Progress, 1990, p. 155.

работе мне бы хотелось говорить об искусстве метафор через рассмотрение их воплощения внутри понятий неотделимо связанных с человеком, присущим современной эпохи, с целью увидеть их особенности, основные черты, значения, поскольку говорить о настоящем, это говорить о себе и видеть последующие и открывающиеся направления движения.

Что есть символ сегодняшнего человека и мира, на что мы растрачиваем себя каждый день и к чему стремимся, возможно, мы уже часть чего-то гибридного, и больше, кажется, не желаем ни с чем бороться. Это массовая деиндивидуализация приведет к гибридизации общества, когда человек будет управлять другим человеком, как машиной. Эрих Фромм описывает это явление с точки зрения свободы так: „Современный человек все еще охвачен беспокойством и подвержен соблазну отдать свою свободу всевозможным диктаторам - или потерять ее, превратившись в маленький винтик машины: не в свободного человека, а в хорошо накормленный и хорошо одетый автомат”. Всегда легче быть машиной и быть запрограммированным, однако не забывайте, чтобы создать в себе человека, нужно ковать себя каждый день самому. Однако человек, описываемый метафорой „винтик машины”, довольно точно описывает нынешнее состояние общества, в котором каждый должен выполнять какую-то часть запрограммированных действий, тем самым внедряя в свою жизнь элемент автоматизированного механизма. Процесс деиндивидуализации в ситуации глобального социально-антропологического кризиса очевиден, так как в современную эпоху человек попадает в зависимость от различных форм деиндивидуализации (политических, экономических, медийных, религиозных, бытовых). Многообразие экономического предложения или политический плюрализм не обеспечивают индивидуальную свободу выбора, а, скорее, маскируют несвободу. Оглянитесь вокруг, разве нас окружают „люди”, разве это тот самый мир, в котором есть место человечности или это вечная проекция чьей-то идеи жизни, причём та, которая должна закрывать глаза, а не одаривать зоркостью. Неужели в нашем мире происходят изменения или это всего лишь массовая погруженность к пустому стремлению „удобной” жизни. Может быть сейчас как никогда уместно употребить понятие „гибрида” в нашей жизни и в нас самих, когда мы бездумно отказываемся от поиска чего-то важного для своей души, вместо этого соглашаемся на какие-то удовольствия

предлагаемые всеобъемлющим рынком, в котором сам человек стал товаром массового потребления, которому подбрасывают мнимую свободу. Рынку нужны автоматизированные потребители, состоящие из носителей индивидуальных потребительских предпочтений⁶. То есть рынок способен уже открыто заявить о бездушном использовании нелишних, а в особенности лишних людей, лишь в качестве объекта прибыли, а приписка индивидуальных предпочтений дает повод думать потребителям, что они имеют какой-то вес и даже мнение в этом процессе. Но этот самый механизированный „гибрид“ чужероден нашей природе, тем самым его присутствие вскоре должно вызвать конфликт, а может даже и войну, а если нет, значит мы уподобляемся этому без всякого понимания своей сущности, что говорит о невозможности построения мира в себе и вокруг. Гибридизация это некое направление эволюции человека, эволюции не как прогресса, а как изменения, которое неустанно сопровождает человека, тем самым в конце этого уже видимого процесса мы столкнёмся с развитием нового вида или формы человека. Мы не должны осуждать или хвалить то, что происходит сейчас с человеком, обществом и миром в целом, однако стоит глубже присматриваться и пытаться увидеть, что нами движет сейчас и к чему это может привести, ведь мы не случайные гости на этой планете, а наоборот его будущее зависит от каждого из нас. Здесь уместно изречение Огюста Конта: „Познание нужно для предвидения, а предвидение необходимо, чтобы начать действовать“.

Гибридизация - есть нечто иное, как термин охватывающий процесс постгуманизации и трансгуманизации, я бы назвала гибридизацию этапом постгуманизма, который осуществляется посредством трансгуманизма. Без сомнения, человечеству необходимо перестать верить только в цифры и технологии, а наоборот нам необходимо вести междисциплинарную борьбу возможно с чем-то, что на самом деле стремиться отнять у человека „человека“. Термин гибридизация является метафорой, поскольку данное понятие в привычном смысле приписывается животным либо растениям. Однако основной смысл процесса гибридизации основывается на передаче свойств одного рода другому путем скрещивания. Тогда возникает вопрос, с чем скрещивают человека, с какой генетически различной ему формой, и какие, в конечном счете, он приобретает новые качества и свойства. Но здесь мы сталкиваемся скорее с отличным от биологии

⁶ Zor'kin V.D. Spravedlivost' – imperativ civilizacii prava // Voprosy filosofii. 2019, № 1, p. 5-14.

понятием гибрида, а более склонны говорить о некотором существе киборге, который соединяет в себе механические и биологические начала. Вследствие чего, нам приходится иметь дело с мутациями общества и человека в кибернетический организм, в гибрид, что возможно узреть в метафорах, которые приписывают современному миру и современной культуре.

Сетевое общество, информационная эпоха, бесчисленные метафоры, всё это, несомненно, отголоски глобального процесса информатизации и поглощения в сетевые отношения, в которых явно прослеживается общественная тенденция, пытающаяся угнаться за техническим прогрессом, по-прежнему теряя на этом пути что-то фундаментальное, а возможно и саму реальность. Культура реальной виртуальности или культура виртуальной реальности⁷. Конечно, нам более знакомо слышать о том, как реальность вокруг нас подводится под рамки виртуальности, и человек в свою очередь превращается в некоего гибрида, населяющего эту самую виртуальную реальность, однако с течением времени становится всё более и более очевидно, что мы подходим к границе реальностей, когда более уместно было бы говорить о степени реальности той виртуальности, в которой мы существуем. В чём же заключается эта самая виртуальность, в контексте культуры, совершенно справедливо можно искать ответ на этот вопрос, в способах коммуникации, которые присущи современному обществу, приводя в доказательство используемого метода цитату Постмена: „Мы видим реальность не такой, как она есть, но такой как наши языки позволяют нам ее видеть. А наши языки – это наши средства массовой информации. Наши СМИ – это наши метафоры. Наши метафоры создают содержание нашей культуры”. Тем самым коммуникация определяет формирование культуры, однако в настоящее время она всё более охвачена процессом создания волшебной пылицы метафор, подхваченных техническим прогрессом, вместе образуя новое измерение и новый социальный контекст. Мануэль Кастельс, например, останавливается и подробно рассматривает телевидение, СМИ как сенсорную имитацию реальности и возможность легкого восприятия с наименьшим психологическим усилием, однако в силу глобального

⁷ Castells M. 1. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura / Per. s angl. pod nauch. red. O. I. O. I. Shkaratana. — M.: GU VSH•E, 2000, 608 p.

процесса внедрения новых технологий в массовую культуру, в условиях современности мы сталкиваемся с принципиально другими СМИ, в итоге нацеленными на тот же эффект „усыпления” и маскировки под вид мнимого владения информацией. В свою очередь Маршалл Маклюэн говорит о том, что каждый медиум формирует человеческие действия, поскольку он, подобно метафоре, преобразует опыт: „Все средства коммуникации, будучи способными переводить опыт в новые формы, являются действующими метафорами”⁸. Медиа функционируют как перформатив - наиболее важная установка Маклюэна. Перформативность относится в первую очередь к гибридным медиа-формам. „Гибрид или сочетание двух медиа есть момент истины и откровения, рождающий новые формы, момент свободы и пробуждения из обычного оцепенения и немоты, в которые сами же меди повергают наши чувства”. Гибридизация -противоречивый исторический процесс. Кино и телевидение сильно навредили популярности театров и ночных клубов, но одновременно подтолкнули поэтов и писателей к более интенсивным живым контактам с публикой в публичных местах (кафе, парках). Однако медиатизация приводит к антропологической реверсии: приспособиваясь к новым техно-органам, человек сам становится сервисным механизмом, обслуживающим воспроизводство и развитие технологической машины. Человек мутирует, становясь „половым органом машинного мира”⁹. Столь эмоционально окрашенная метафора говорит ни о чем ином как о второстепенной роли человека и утрате его положения в мире, у которого от биологического вида осталось отнюдь не сознание или моральные качества.

Любое сообщение, как знаковая форма, наполнено содержанием, и в условиях многочисленных каналов коммуникации, обросших различными культурными кодами, общество окружено лишь многоаспектными символическими кодами. Один или несколько поставщиков информации, сменились на множества, что в свою очередь сегментировало всех получателей информации, которые одну и ту же новость могут получить в доступном для них виде, и на понятном языке, и даже возможно с намеком на то, что они хотели бы услышать. То, что сейчас происходит в сети интернет и

⁸ McLuhan M. *Ponimaniye Media: vneshniye rasshireniya cheloveka / perevod s angl.* V. G. Nikolayeva. — Moscow 2003, 464 p.

⁹ Bolz N. *Mificheskiy mir•elektronnykh media, perevod s memetskogo I. Chubarova, I. Gradinari, Logos, 2015, p. 162-172.*

развивается быстрее, чем любой другой аспект нашей жизни, создаёт информационную культуру, поглощающую всё на своем пути. По-моему, данный процесс не может пройти бесследно и имеет вполне логическое отображение как в направлении своего собственного развития, так и во всех коммуникационных системах, которые с точки зрения семиотики и знаковых систем, являются отражением нашей жизни и дают представление о текущем времени, какое бы разнообразное оно ни было. Сеть способна передавать все виды символов, не пользуясь контрольными центрами, поэтому так часто можно услышать, что интернет это свободная площадка или другие подобные высказывания. Люди неустанно кооперируются в виртуальные сообщества, или продвигают там свои идеи, даже не понимая что место, в котором они так сильны для обитания, не будет иметь существования, если просто элементарно отключить электричество, блок питания. А так же не стоит забывать, что цифровая среда – площадка взаимодействия не только людей, но и не-человеческих существ: ботов, голосовых помощников. Социальные последствия такого активного внедрения машинных существ в жизнь пользователей естественным образом меняют их привычный мир или даже создают ту самую реальность, которая будет расценена как нормальная и подобающая быть. Часто популярные языки программирования, к примеру, в настоящее время описываются как новый глобальный язык, помогающий людям понимать друг друга лучше, чем любой иной. Иногда можно услышать мнение, что „умение кодить” – нужный любому современному профессионалу навык.

Появилась новая метафора культуры - софт культура. Данную метафору довольно сложно определить, однако совершенно очевидно, что культура в данном контексте существует лишь как привесок к некоторого рода систематически организованному софту, набору программ. То есть теперь, совокупность общественных и духовных достижений человечества уместается в совокупность программ или систем обработки информации. В последней трети XX века различные культурные и технологические новшества лишили смысла одно из ключевых понятий современного искусства - понятие медиума. Однако никакой новой типологии, которая бы пришла на смену той, что была основана на этом понятии и делила искусство на живопись, графику, скульптуру, кино, видео и другие виды, не возникло. Предположение о том, что художественные практики можно четко разделить в зависимости от их медиумов,

до сих пор лежит в основе организации музеев, художественных школ, финансирующих культуру организаций и других культурных институций, хотя такая система больше не отражает реальное функционирование культуры. Введение термина программное обеспечение (или софт) как общего понятия для изучения феноменов культуры переносит внимание с медиа/текста на пользователя. Точно так же термин информационное поведение может помочь нам увидеть аспекты культурной коммуникации, которые ранее оставались невидимыми. Наша нервная система развивалась определенным образом, чтобы мы могли фильтровать информацию из окружающей среды и успешно в ней существовать. Так и мы, для того чтобы выжить в информационном обществе, вырабатываем определенное информационное поведение¹⁰. Это означает, что термины цифровые медиа и новые медиа не слишком хорошо схватывают уникальность „цифровой революции”. Признание центрального положения софта в культуре ставит под вопрос еще одно фундаментальное понятие эстетики и медиатеории — свойства медиума. Что значит для цифрового медиума „иметь свойства”? Например, имеет ли смысл говорить об уникальных свойствах цифровых фотографий, электронных текстов, веб-сайтов или цифровых карт? Однако понятие софта свойственно не только современной культуре, но и такому фундаментальному понятию как сознание человека. В той же последней трети XX столетия была представлена наиболее популярная среди когнитивных ученых позиция - функционализм, которая утверждала, что сознание не тождественно физическим процессам, так как одно и то же ментальное состояние может быть реализовано разными физическими носителями. Одним из видов функционализма является функционализм машинного состояния, в соответствии с теориями Х.У. Патнема, которые гласят о том, что любое создание, наделенное сознанием, может рассматриваться в качестве машины Тьюринга (идеализированного конечного цифрового компьютера), чья работа может быть полностью определена совокупностью инструкций¹¹. Здесь прослеживается использование компьютерных метафор, которые набирают популярность и логически развиваются в рамках цифровой эпохи. Сознание - это софт, программное обеспечение, а мозг - это, таким образом, железо.

¹⁰ Manovich L. 1. Teorii soft-kul'tury. — Nizhniy Novgorod: Krasnayalastochka, 2017, 208 p.

¹¹ Putnam H. Filosofiya soznaniya, Moscow: Dom intellektual'noy knigi, 1999, 240 p.

Компьютерные программы, как набор неких инструкций и алгоритмов по обработке специальных символов, действуют точно так же, как сознание человека. Человек и компьютер получают из окружающей среды огромные массивы информации. Далее эта информация подвергается соответствующей обработке, накоплению, на ее основе предпринимаются определенные действия. Таким образом, компьютерные программы выступают как своего рода модель для понимания процессов обработки информации в человеческой психике, что в дальнейшем, скорее всего, и привело к изучению функционализма в исследованиях в сфере искусственного интеллекта. Джордж Заркадакис в своей книге „In Our Own Image” описывает шесть различных метафор, которые люди использовали в течение двух последних тысячелетий, пытаясь описать человеческий интеллект. Метафора человеческого мозга, построенная на обработке информации IP-метафора, от Information Processing, в наши дни доминирует в умах людей, как среди обывателей, так и в среде ученых. По факту не существует дискурса по поводу разумного человеческого поведения, который бы проходил без применения этой метафоры, равно как и то, что подобные дискурсы не могли возникать в определенные эпохи и внутри определенной культуры без отсылок к духам и божествам. Справедливость метафоры об обработке информации в современном мире, как правило, подтверждается без каких-либо проблем. Прекрасно понимая её недостаточность для описания человеческого сознания, однако, ей продолжают пользоваться и развивать. Только во всех этих компьютерных метафорах, которые не отражают какой-то душевной находки и не дают понять в чём же заключается исключительность и эволюционные особенности понятия, мы вынуждены видеть метафору в своем примитивном значении – в виде сравнения. Однако даже проводя такую прямую аналогию, всё же остаётся вопрос - кто будет управлять этим самым „железом”, будет ли возможным считывать программное обеспечение, сможет ли оно отражать естественный человеческий язык или все оборвется точно так же, как с грамматикой Хомского, которому не удалось формализовать грамматику, поскольку она имеет бесконечное число вариаций. На примере использования компьютерных IP-метафор, мы видим как каждый характерный признак, дающий импульс для образования понятия и обозначения, служит в то же время объединению соответствующих предметов.

Всё это наводит на мысль о том, что сегодня вокруг себя мы видим лишь бегство от человека, бегство от самих себя в объятия кусков железа, которые занимают всё больше и больше места в нашей жизни. С того момента как в обществе зародилась идея того, что роботы и техника смогут сделать нашу жизнь качественно лучше и даже приносить счастье, именно с этого самого момента человек начал терять веру в человечество. Сама идея и направленность мысли на достижение некоего всеобщего блага кругом представляется не только ошибочным, но и глупым, неужели техника может обеспечить „хорошую” жизнь человеку, неужели это действительно может принести нам „счастье”. Жан Бодрийяр как нельзя точно описал этот процесс: „Если люди мечтают об оригинальных и гениальных машинах, то это потому, что они разочаровались в своей самобытности или же предпочитают от нее отказаться и пользоваться машинами, которые встают между ними. Ибо то, что предлагают машины, есть манифестация мысли, и люди, управляя ими, отдаются этой манифестации больше, чем самой мысли”. Если убрать мнимое представление людей о том, что они обладают информацией, от них мало что останется, они постоянно ждут что кто-то им расскажет, покажет, когда у них самих есть глаза и уши. Вторжение информационного потока в жизнь вроде бы открыло людям глаза, но не для того, чтобы видеть больше и шире, а лишь потому что они загорелись собрать, нажать, забыв о самом главном, о незнании пользования и применения данных информационных сообщений. Сейчас кусок железа, имеющий доступ в сеть интернет, оставляет впечатление мощного, полноценного агрегата нашей жизни, который содержит в себе слияние разнообразных сфер социальной активности, что до конца не даёт понять, что же перед нами и как этим управлять. Всё больше можно услышать довольных людей, владеющих информацией о жизни и кажется знающих о ней всё, но никогда по-настоящему не живших, а сколько тех, кто расскажет весь сюжет фильма, даже не смотрев его, или то, что он или она видит на картине, даже не пытаясь увидеть что-то своё. Действительно ли мы имеем возможность мыслить или это всевозможные сплетения символов и кодов, которые устали интерпретировать и быть интерпретированными. Как же это наверное скудно огородить общество железными заборами с различными приклеенными бумажками, обычной рекламой, новостями, даже не снимая старого, просто завешивать и завешивать всё вокруг, в один миг сузив

человека до неузнаваемости. Цифровая культура перекрывает и включает разнообразие передававшихся в истории систем отображения; это культура реальной виртуальности, где выдуманный мир есть выдумка в процессе своего создания. Мы находимся в постоянном процессе изменения нашего мира, но мы не являемся посторонними зрителями жизни на нашей планете, а наоборот сами создаем эти изменения, каждый созданный человек, создает и мир вокруг себя. Однако согласно настоящей обстановке людям, думающим, что всё уже построено, более охотно залезть в пространство бездушных машин, чтобы найти в них что-то, что им так и не удалось найти в людях, или скорее создать и привить им это, после нескольких неудачных попыток поиска в реальности.

Современные метафоры красиво звучат, они полны передовым и чем-то отличным от нашей обывательской жизни, но это совсем не повод для восхищения, наоборот это тенденция цифрового мира, направленная на всеобщую „уравниловку”, в которой нет места особенностям каждого человека, которые и делают наш мир таким богатым и глубоким, каким он должен быть. Мы стали экспериментировать со своей природой, посягнули на духовность и кажется вовсе не помирились с природой, хотя об этом агитирует весь мир, который что-то вечно спасает, однако, я сомневаюсь, что у людей, которые так много времени проводят на показ и витринные добродетели, должно хватать сил на совершение действий. Разум и наука встают в первые ряды, якобы пытаясь решать проблемы человечества, хотя количество искусственно созданных проблем не уменьшается, а еще в добавок они углубляются и расширяются изнутри. Не существует ничего такого, что не может быть изменено сознательным целенаправленным социальным действием, снабженным информацией и поддержанным легитимностью. Если люди информированы, активны и общаются в масштабах всего мира; если бизнес принимает на себя свою социальную ответственность; если средства массовой информации становятся вестниками, а не вестью; если политические деятели противодействуют цинизму и восстанавливают веру в демократию; если культура реконструируется из опыта; если человек ощущает свою солидарность со всем сущим на Земле; если мы утверждаем межпоколенческую солидарность, живя в гармонии с природой; если мы отправляемся в исследование нашего внутреннего „Я”, установив мир между собой - если все это стало возможным

благодаря нашим информированным сознательным коллективным решениям, пока еще есть для этого время, может быть, тогда мы сможем, наконец, жить и давать жить другим, любить и быть любимыми¹².

Данный набор современных метафор, присущих основным тенденциям развития культуры и человека, конечно же не является полным, но, на мой взгляд, является вполне достаточным чтобы определить общности и направления жизни этих самых метафор. Компьютерные программы, как набор неких инструкций и алгоритмов по обработке специальных символов, действуют точно так же, как сознание человека. Куда приведет такое направление и тенденция „железных” метафор неизвестно, но видится возможным, возвращение метафор к простым аналогиям, и превращение человека в сравниваемый разумный и безжизненный компьютер. Метафора не воображает вещи, которые стремится охарактеризовать, она указывает направление для отыскания множества образов, которые ассоциируются с этими вещами¹³. Ассоциации ключевых понятий жизнедеятельности сейчас всё более опираются на технические атрибуты и тем самым механизуются как в слове, так и в мышлении людей. Если мы начнем постигать опыт на языке метафоры, то переход к гибридному существованию не заставит себя ждать. Если новая метафора становится частью понятийной системы, служащей основанием нашей деятельности, она изменит эту систему, а также порожаемые ею представления и действия. Многие изменения в культуре возникают как следствия усвоения новых метафорических понятий и утраты старых¹⁴. Что способна нести собой софт культура наполненная людьми чьё сознание такой же софт. Человек создал искусственный мир и сам стал его частью. Создается новая онтология и бытие, которое тяжело мыслить без техники. Искусственное не подобает человеку, но оно берет над ним верх.

References

¹² Castells M. 1. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura / Per. s angl. pod nauch. red. O. I. O. I. Shkaratana. — M.: GU VSH•E, 2000. — 608 p.

¹³ Ankersmit F. R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory. / per. s angl. M. Kukartseva, Ye. Kolomoyets, V. Kashayev — M.: Progress-Traditsiya, 2003, p. 87.

¹⁴ Lakoff G., Johnson M. Metafory, kotorymi my zhivem / per. s angl., red. A.N. Baranova. Edition 2. Moscow: publ. LKI, 2008. p. 62.

- Ankersmit F. R. Istoriya i tropologiya: vzlet i padeniye metafory. / per. s angl. M. Kukartseva, Ye. Kolomoyets, V. Kashayev — M.: Progress-Traditsiya, 2003 — 496 pp.
- Black M. Metafora // Teoriya metafory: Sbornik / per. s angliyskogo M. A. Dmitrovskoy, Moscow: Progress, 1990. p. 153-173.
- Bolz N. Mificheskiy mir•elektronnykh media, perevod s memetskogo I. Chubarova, I. Gradinari, Logos, 2015, p. 162-172.
- Cassirer E. Sila metafory // Teoriya metafory: Sbornik / per. s angliyskogo M. A. Dmitrovskoy, Moscow: Progress, 1990, p. 33-43.
- Castells M. 1. Informatsionnaya epokha: ekonomika, obshchestvo i kul'tura / Per. s angl. pod nauch. red. O. I. O. I. Shkaratana. — M.: GU VSH•E, 2000. — 608 p..
- Lakoff G., Johnson M. Metafory, kotorymi my zhivem / per. s angl., red. A.N. Baranova. Edition 2. Moscow: publ. LKI, 2008 – 256 p.
- McLuhan M. Ponimaniye Media: vneshniye rasshireniya cheloveka / perevod s angl. V. G. Nikolayeva. — Moscow 2003 – 464 p.
- Manovich L. 1. Teorii soft-kul'tury. — Nizhniy Novgorod: Krasnayalastochka, 2017 – 208 p.
- Ortega y Gasset J. Dve velikiye metafori // Teoriya metafory: Sbornik. Perevod s Ispanskogo N.D. Arutyunovoy Progress, 1990. p. 68-81.
- Peirce C. Izbrannye filosofskye proizvedeniya/ per. s angl. K. Golubovich, K. Chuhrukidze, T. Dmitrieva, Moscow: Logos, 2000 – 448 p.
- Putnam H. Filosofiya soznaniya, Moscow: Dom intellektual'noy knigi, 1999 – 240 p.
- Richards A. Filosofiya ritoriki // Teoriya metafory: Sbornik, Moscow: Progress, 1990. p. 44–67.
- Zor'kin V.D. Spravedlivost' – imperativ civilizacii prava // Voprosy filosofii. 2019, № 1, p. 5-14.